

Алла Белолипецкая

УСАДЬБА
«МЕДВЕЖЬИЙ
РУЧЕЙ»

Москва

Алла Белолипецкая

УСАДЬБА
«МЕДВЕЖЬИЙ
РУЧЕЙ»

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Редактор серии *Екатерина Тёрина*

Иллюстрация на переплете *Ольги Саохелал*

Дизайн обложки и карта на форзаце *Евгении Лукомской*

В дизайне внутреннего блока использованы элементы оформления:

© Yulia Bikirova / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Белолипецкая, Алла.

Б43 Усадьба «Медвежий Ручей» : роман / Алла Белолипецкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-222278-8

Осень 1872 года. В усадьбу «Медвежий Ручей» приезжает внучка владелицы, Зина Тихомирова. Девушка не знает, что когда-то адепты языческого культа разбудили в этих местах силы, дремавшие веками. Когда же Зина узнаёт правду о страшных и странных событиях, творящихся в усадьбе, выбраться оттуда уже не может. Единственный, кто в силах ей помочь, — друг детства Иван Алтынов, давно влюблённый в неё. Но доберётся ли он до «Медвежьего Ручья», охраняемого древними существами? Какие создания встретятся ему на пути? И кто окажется союзником, а кто — смертельным врагом?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белолипецкая А., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-222278-8

— Коли надо тебе будет приворотный
корешок или заговоры...

— Скорей, твоё лукавство и мастерство
на некоторые дела.

Иван Лажечников. Ледяной дом.

ПРОЛОГ

Июль 1858 года. Усадьба «Медвежий Ручей»

Горе живым, которые при свете дня вершат подобные дела! Тот, кто извлёк мертвеца из воды, старался не глядеть на его лицо — на его единственный уцелевший глаз, который словно бы покрывала плёнка прокисшего молока. Белёсым сделался левый глаз бедолаги, тогда как на месте его правого глаза — и всей правой половины его лица — бугрилась расквасившаяся каша серо-зелёного цвета. Когда несчастного вытащили, он уже успел провести на дне полных три дня. Да и теперь только его голова и верхняя часть торса находились на берегу ручья. А всё, что располагалось ниже пояса, продолжало мокнуть в бегущей воде.

Некто, вытянувший из воды обезображенный труп, искривил губы в гримасе отвращения, однако планов своих не переменил. Явно понимал, что поздно ему теперь идти на попятный. Быстро и ловко он расстегнул на утопленнике размокший и потерявший всякую

форму сюртук, стянул галстук — модный и недешёвый, но теперь более походивший на верёвку повешенного, — а затем освободил мёртвую грудь от некогда белой рубашки.

Пока с мертвецом производили эти манипуляции, на его белёсый глаз переполз с прибрежной травы шустрый красно-коричневый жук, а вслед за ним перелетело несколько мелких мошек, вроде тех, что заводятся в порченных яблоках. Так что насекомые вполне могли наблюдать за действиями загадочного субъекта, который наполовину раздел покойника, а затем приступил к следующей — куда более странной — процедуре.

Кожа на груди извлечённого из воды бедняги была гладкой, без единого волоска. И тому, кто его раздел, это обстоятельство пришлось весьма кстати. Невесть откуда — словно из воздуха — в его руках появился наполненный тёмно-синей тушью стеклянный пузырёк, из которого торчала кисточка, вроде тех, какими китайские писцы выводят свои иероглифы. Зажав её в длинных тонких пальцах, обладатель пузырька принялся наносить на обнажённую грудь утопленника диковинные и замысловатые знаки. Что узоры эти означали — одному Богу было известно. Но, очевидно, художник придавал им большое значение, поскольку рисовал их со скрупулёзной тщательностью, постоянно сверяясь с листком бумаги, лежавшим подле него на берегу ручья.

Кропотливая эта работа оказалась небыстрой. И рисовальщик всё ещё трудился, когда с мутным

глазом покойника стали происходить метаморфозы. Молочно-белая плёнка на обесцвеченном водой глазном яблоке начала вдруг вибрировать и натягиваться, словно поверхность мыльного пузыря за миг до того, как он лопнет. А затем — с лёгким, едва слышимым хлопком — плёнка разорвалась, выпустив на поверхность несколько капель слизи, похожей на овсяный кисель. После чего верхнее веко мёртвого мужчины задрожало и резко опустилось.

Мошки взвились в воздух и улетели. Жук, отчаянно спеша, удрал обратно в траву. А глаз *разрисованного* тем временем открылся — как будто утопленник плутовато подмигнул тому, кто колдовал над ним с кисточкой и тушью.

Странного рисовальщика это, впрочем, ничуть не смутило. Закончив наносить изображение на мёртвую кожу, он приступил ко второй части задуманной им процедуры. И снова в его руках будто ниоткуда возник предмет. Только на сей раз это оказалась не кисточка, а полая игла. Её он стал обмакивать в тушь, а затем быстро, делая неглубокие точные проколы, впрыскивать тёмно-синюю жидкость под кожу мертвеца, точно по контурам нанесённого рисунка.

А когда татуировщик завершил работу, от мёртвого тела отделился, словно новый рой мошканы, дымчатый сгусток. Своими контурами он походил на лежавшее возле ручья обезображенное тело — только принявшее вертикальное положение. И могло показаться, что светло-серый силуэт бежит по воздуху, хотя ногами бестелесный двойник мертве-

АЛЛА БЕЛОЛИПЕЦКАЯ

ца вроде бы и не перебирал. Рисовальщик проследил взглядом направление этого бега — и на сей раз губы его тронула довольная улыбка. Сгусток мнимого дыма перемещался в сторону двухэтажного господского дома, что белел в отдалении — за липовой аллеей, проложенной от въездных ворот усадьбы «Медвежий Ручей».

Глава 1

СТАНЦИЯ

19 (31) августа 1872 года. Суббота

1

За все семнадцать лет своей жизни Зина Тихомирова ещё ни разу не путешествовала по железной дороге в одиночку. Да и то сказать: неуместно было барышне, пусть даже всего лишь дочери протоиерея, раскатывать в поезде одной. И маменька, покупая Зине билет в вагон второго класса, это, конечно же, отлично понимала. Однако поехать вместе с дочкой она никак не могла. Неотложные дела требовали её немедленного возвращения домой, где ждал папенька. Собственно, именно из-за этих дел родители и вынуждены были отправить Зину в непредвиденную поездку: отослать её к бабушке, у которой ей предстояло пробыть как минимум до следующего года.

— Ничего, Зинуша! — успокоила её маменька, когда носильщик занёс в купе два баула с Зиниными вещами. — Я договорилась с проводником: он за тобой

присмотрит. И потом, когда ты прибудешь на место, усадит тебя прямо в бабушкин экипаж — он тебя будет поджидать на станции.

С тем они и расстались.

И вот теперь пожилой железнодорожный служащий маялся рядом с Зиной на станционной платформе: крутил головой, высматривая обещанный экипаж. Однако ничего, кроме крестьянских телег, высмотреть не мог. Да и те разъехались очень скоро. Небо заволокло тучами, вот-вот грозил полить дождь, и никого не блазнила перспектива вымокнуть до нитки.

Между тем паровоз уже дал второй гудок, и Зина невольно передёрнула плечами. И не потому, что она замерзала в белом кисейном платье. Хоть в преддверии дождя лёгкий ветерок и кружил пыль на платформе, было весьма жарко, даже душно.

— Ну, барышня, — виновато проговорил проводник, — более я с вами ждать не могу! Поезд вскорости отойдёт. Так что давайте-ка — я занесу ваши вещички в вокзальное здание, и вы дождётесь вашу бабушку там. Ежели и дождь пойдёт — вы не намокнете.

Кряхтя, он подхватил баулы Зины в обе руки и двинулся к небольшому одноэтажному строению в центре платформы: обшитому досками деревянному вокзалу, выкрашенному светло-жёлтой краской, с четырёхскатной железной крышей. И Зина, вздохнув, пошла за ним следом.

Вокзал, впрочем, оказался изнутри чистеньким и даже уютным. В единственном зале стояли широкие деревянные скамьи с высокими спинками — одного

цвета с дощатым полом: коричнево-бордовые. В двух углах матово поблёскивали округлыми листьями высокие фикусы в кадках. В третьем углу висело большое зеркало в золочёной раме. Зина не преминула в него посмотреть и даже расстроилась. Собственное лицо показалось ей неприятно бледным. Её чёрные волосы растрепались в дороге, и несколько длинных прядей выбивалось из-под шляпки, которая съехала набок. Тёмные глаза выглядели неестественно большими — как у палево-серого зайчонка, который как-то забежал к Тихомировым в сад из недалёкого леса, окружавшего их уездный городок Живогорск. А вся фигура Зины как бы изобличала субтильную городскую девицу, хотя дочка протоиерея саму себя никогда к субтильным девицам не причисляла.

Так что она поскорее отвернулась от зеркала и перевела взгляд на четвёртый угол зала ожидания, где громко тикали напольные часы «Павел Буре» в лакированном корпусе вишнёвого цвета. Стрелки часов показывали половину пятого.

— Что ж, барышня, — с нарочитой бодростью проговорил седоусый проводник, опустив её баулы рядом с одной из вокзальных скамей, — надобно мне идти! А вам — счастливо дожидаться вашего экипажа!

Он коротко ей отсалютовал, коснувшись кончиками заскорузлых пальцев козырька железнодорожной форменной фуражки, и чуть ли не бегом устремился к вокзальным дверям: только что прозвучал третий гудок паровоза. Зина видела, как пожилой мужчина выскочил на платформу и поспешил к дверям своего

вагона. Новый порыв ветра чуть было не сдёрнул фуражку у него с головы, но проводник всё же успел её придержать. И едва он заскочил в вагон, как перрон окутало паром, что-то отрывисто лязгнуло, и поезд тронулся с места.

2

Зина смотрела из окна на перрон, пока последний вагон набиравшего ход поезда не пропал из виду. А потом снова вздохнула, опустилась на жёсткую скамью и огляделась по сторонам.

В зале ожидания пассажиров, помимо неё, находилось не более десятка. И все они сидели от Зины на некотором отдалении: нарядная барынька с двумя детьми — мальчиком и девочкой, которую, по всем вероятностям, тоже не встретили вовремя; седовласый господин в пенсне, читавший газету; ещё один господин, гораздо более молодой («студент», — отчего-то сразу подумала о нём Зина). А ближе всех к ней оказалась какая-то немолодая баба: в чёрном платке и не подходящем к нему цветастом ситцевом платье, с потрёпанными кожаными ботами на ногах. Ни на кого не глядя, баба поглощала пирожки, свёрток с которыми лежал у неё на коленях.

Зина подумала, что нужно бы подойти к зеркалу — поправить волосы и шляпку. Однако её баулы были слишком увесистыми, чтобы тащить их с собой. А оставить их возле скамьи, без присмотра, она не решалась. Студент с цепкими глазами не внушал